

Н.В.Малышкин

ТРИ БРАТА

ПОЭМА

г. Минск,

2017 г.

Эпиграф

*На перекрёстке двух дорог
Стоял он, горем обуянный,
В предсмертный час понять не мог
Откуда выполз змей поганый.*

*И одурманил чем людей,
Питая низменное ядом,
Когда народ одних кровей
Общается на языке снарядов?!*

*Вражда собой затмила свет:
Отец на сына, брат на брата.
И сколько литься крови лет,
Чтобы убрался змей обратно?!*

*В кровавом споре левых нет,
Все правые – до перекрёстка.
Неужто истины ответ,
Где точкой в споре выстрел хлесткий?!*

1.

На улице Советской,
Что раньше называлась
Иль Царской, иль Смоленской, –
Не помню как, признаюсь,
В пятиэтажном доме
Жила чета Петровых,
Сынишек было трое
Да телевизор новый.

Вот только-только стали
На ноги подниматься,
От нищеты устали,
В лохмотья одеваться.
И досыта поели,
Хоть признаваться стыдно,
Но выдюжить сумели,
И это было видно.

Ох, как болели раны
Войны прошедшей, страшной,
Где молодой и старый,
Схватившись в рукопашной,
В свой день последний судный,
От злости сатанея,
До боли стиснув зубы,
Настиг мечом злодея!

Ещё не обвалились
От времени траншеи,
А к небу устремились
На стройках кранов шеи.
Отстраивались снова,
И, рук не покладая,
Трудом держали слово,
На горе не кивая...

Родители у братьев
Не барского сословья,
И не имели, кстати,
Мещанского подворья.
Рождением – из рабочих,
Партийными не стали.
Как миллионы прочих
За блок¹ голосовали.

Отец был на заводе,
И мать к труду привычна.
Как говорят в народе:
Семья была обычной.

¹ Имеется ввиду блок коммунистов и беспартийных. А других-то и не было.

Рубли считали скупю
С аванса до зарплаты.
В шкафу на кухне крупы,
А на штанах – заплаты.

Мясного, винегретов –
В неделю дважды только:
Нежирная Советов
Рабочая ссобойка.
К друзьям гулять ходили,
И их же звали в гости.
За рюмкой перемыли
Не раз вражинам кости.

А враг-то был всё разный:
Начальник на участке,
Руководитель классный,
Сосед по дачной грядке.
Местком всегда бесправный,
Парторг как бог безгрешный.
Но был вражина главный,
По умолчанью, – внешний.

Кричали беззаботно
«Ура!» на Первомае,
Жалели безработных
В далёком Парагвае.
Росли и крепили дети,
Родители трудились.
Послушным был лишь третий,
А со вторым носились.

2.

В семье Петровых старший
Для младших был опорой.
С лица пусть и не краше,
Но разнимал их ссоры.
И все в округе знали
Кулачного братишку,
Когда он был в запале –
Нет места слову «лишку».

«Свои» как аксиома,
В игре – как главный козырь,
Волна раскатов грома
В ответ чужим угрозам.
За младших он вступался
Без лишних разговоров.
Кто прав не разбирался,
Показывая норю.

Считался заводилой,
И мастером приколов:
Из класса выводила
Не раз директор школы.
Был лидером бесспорным
По части приключений.
Не шли, как видно, в пору
Отца нравоученья.

Но главным было всё же
Отцовым воспитаньем –
Брючнóй ремень из кожи,
Что повышал сознание.
Трём братьям доставалось,
Но старшенькому больше:

Всё как-то получалось,
Что шкура его толще.

Признайся, бога ради,
В семье ты был коль первым, –
Родители за братьев
Пощекотали нервы.
А может, за сестричек.
С тебя был спрос, однако.
Не раз ты после стычек
Тайком в углу проплакал.

Но тем и ценно детство,
Что зрела понемногу
С игрою по соседству
Характера основа.
Ты всё же был ребёнком,
Любовью окружённый,
И, как в теплице плёнкой,
Родными защищённый.

Поэтому наивным
Ты переходишь в юность,
Но искренне счастливым, –
Вот истинная мудрость!
Подарок от природы –
Нетронутые души.
Какими будут всходы,
Пройдя сквозь жизни стужи?

Завьются пустоцветом,
Зерном заколосятся,
Иль в тон чужим наветам
На ближних обозлятся?

Какими будут всходы,
Когда придёт им время,
Покажут только годы:
Гнилое ль было семя.

Посыл сей однозначен
Для всех, без исключенья.
Судьба воздаст вам сдачу
Сполна за прегрешенья.
А грех заложен в каждом;
Не путайте с виною.
Быть грешником не страшно –
Секрета не открою.

Важнее с ним бороться,
И видеть брата в ближнем.
Жить даже с инородцем
В согласии нелишне.
Такому надо статья:
Увлёкся. Не ругайте.
Продолжим мы про братцев.
Внимательней читайте.

Дополню лишь штрихами
Характер персонажа,
Который, между нами,
В поэме очень важен.
А в нём под слоем перца,
Присыпанным золою,
Живёт большое сердце,
Пылая добротой.

Он старому поможет
По лестнице подняться,

И тут же сразу сможет
На месте рассмеяться.
Без уговоров лишних
С берёзы снимет кошку.
Чужим собакам пришлым
Даст хлебушка немножко.

И щедрый по натуре,
Согласен всем делиться.
Повздорив с кем-то сдуру,
Не против он мириться.
В ближайшем перелеске
Любил играть в войнушку.
Свой галстук пионерский
Не прятал под подушку.

А младший пострелёнок,
Тянувшийся за старшим
Пожалуй, что с пелёнок,
Возьмёт его пораньше.
И галстук он примерит,
И школьную фуражку.
С утра портфель проверит
От книг – до промокашки.

Тайком ходил за братом
До школы через мостик.
Соседские ребята
Прозвали его «хвостик».
А он не обижался,
Ведь «хвостик-то» он брата!
И не отстать старался.
Хорошие ребята!..

3.

...Звенит весна капелью,
А осень желтизною
Шуршит вокруг деревьев
Опавшею листвою.
И, соком наливаясь,
Растут Петровы-братья.
О младшем собираюсь
Подробней рассказать я.

На старшего братишку
Во многом был похожим;
Но чаще брал он книжку.
Не строил старшим рожу.
Был более терпимым
К проказам одноклассек.
И был хотя он сильным, –
В пылу не рвал рубашек.

А вдруг братишку если
Достанут до печёнок –
Получат честь по чести:
Хватает ведь силёнок!
Но сам не нарывался,
С очередным задирой
Всегда решить старался
По-доброму всё, миром.

Учился он прилежно,
Дневник вёл аккуратно.
С родителями нежный,
Одет всегда опрятно.
Всю школьную программу
Учил за первой партой.

И целовал он маму
С утра восьмого марта.

И во дворе, и дома,
И в школе не буянил,
И отвечал за слово,
Придерживаясь правил.
Без спроса он чужого
Не брал.

И даже братцев
Журил за велик строго,
Что взяли покататься.

Отходчивый душою,
Как старший брат – не жадный.

Затянет песнь порою
Он под гитару складно...
Про младшего Петрова
Сказание закончим.
А то придётся снова
Сидеть до самой ночи...

4.

...Лишь первый луч коснулся
Вершин сосновой чащи,
Лес шумно встрепенулся
В заботах предстоящих.
Неведомый кудесник
Симфонию лесную,
Собрав все звуки вместе,
По памяти рисует.

Не надо партитуры
И нотного альбома:

Заменят их с натуры
Ветра, раскаты грома.
Иль шум дождя ночного,
Листку даруя влагу,
Иль звук зверья лесного,
Что нагоняет страху.

Певунья, что есть духу,
Вытягивая ноту,
Внимает звуком слуху,
Чтоб не забить кого-то.
За пультом дирижёра
Всегда стоит погода,
И щебетанье хора
Лишь с первого захода.

Идиллия и только, –
Симфония красива.
Мы в жизни видим сколько
Семей вокруг счастливых!
Петровых мы относим
К числу их, без сомнений.
У вас, конечно, спросим:
Не будет возражений?

Три брата, три мальчишки;
Дела бы сделать только.
То штопка, стирка, шишки.
Одной посуды сколько?!
Работа, дом, больницы,
Дежурства в одночасье.
Лишь поспевай крутиться,
И в этом, видно, счастье.

И нам ходить не надо
За тридевятьземелье.
Ответы всюду, рядом,
Весной зальются трелью.
Момент! И желторотый
Их поглотит всецело.
Таков закон природы;
Он главный – вот в чём дело...

5.

... Рабочего Петрова
Начальство уважало;
Свидетельств от профкома
В чуланчике немало:
Там грамоты пылятся
В углу отдельной стопкой,
И фотографий глянца
С его улыбкой робкой.

А вымпелы и ленты?!
Набита ими торба.
Под град аплодисментов
Носил домой их гордо.
Вершиною почёта
Петрову служат бюсты
Защитников народа.
Вот с премией не густо.

Заслуг у мамы меньше –
В долгу перед страной.
Но разницы их пенсий
Не будет меж собою.
Такою первой стала
Страна на белом свете:

Ведь мама уделяла
Заботы больше детям.

Семья жила в достатке,
Не бедствовала, то есть.
С работой всё в порядке,
Спокойна моя совесть.
«Советская ячейка» –
Так названа народом,
Где каждая копейка
Давалась только потом.

Духовные основы
В семействе чтили свято,
Как древние иконы
Их бабушки когда-то.
Эпоха атеизма
Во все проникла поры.
Через призму ленинизма
Велись на кухне споры.

Меж тем, детей крестили,
А куличи на пасху
Тайком святить носили
С любовью и опаской.
А крашеные яйца
На праздник воскрешенья?!
Христовый дух остался
В народе, без сомненья.

В таком конгломерате
Житейском и духовном
Всё подрастали братья
Без вычурности, скромно.

Всегда во всём едины
И в радости, и в горе.
Не ищут середины
На жизненном просторе...

6.

Пришёл черёд о брате,
Середнем по расчёту,
Домашнем демократе
И любящим свободу,
Поведать поподробней
Для ясности картины.
Присядьте поудобней –
Рассказ мой будет длинным.

Вторым в семье родился –
За старшим его место.
Одной рукой месился
Из прежнего же теста.
Но вызревая, всходы
Пучки свои пустили
Чуть в сторону. А годы
Плоды-то изменили.

Попробуем попозже
Плоды от этих всходов.
Таятся только в прошлом
Отгадки у природы.
В него себя отправим,
Точней, вернёмся к детству.
Ошибок не исправим –
Господь не дал нам средства.

Довольно отступлений!

К рассказу мы вплотную

Приступим.

Братец средний:

Портрет его рисую.

На внешность нерезонно

Впустую тратить время,

Как братья был он стройным –

Петровых всё же семья.

И был похож на деда:

Загар причерноморья

Перемешался где-то

С песчаной бурей, споря.

Чернявый, кареглазый.

Степенная осанка.

Бросается что сразу –

На подбородке ямка.

Пикантность эта ямка

Обличью придавала,

И стать её хозяйкой

Желающих немало

Нашлось среди подружек.

Лишь намекнула б только;

Но получилось круче –

Предметом стала торга.

Вы только, ради бога,

Читая, не ворчите.

Оттенка голубого

Меж строчек не ищите.

Когда больной – понятно,

Здесь всё гораздо хуже, –

Из докторского ряда
Хирург душевный нужен.

Никак не удаётся
Идти нам постепенно.
На части вечно рвётся
Страница мыслей бранных!

Поставил я телегу
Опять вперёд кобылы;
Со следствием я лезу,
Не показав причины.

Характер – вот причина
Удачи и несчастий.
И если ты мужчина,
К тому же настоящий,
Помощником он будет.
Слугой к нему пойдёте –
В бараний рог закрутит,
И тряпкою помрёте!

Так вот, гдемышь зарыта?!
В характере. Понятно.
Теперь мы будем квиты,
Коль отмотав обратно
Тесьму времён прошедших,
Вернёмся вновь к Петровым;
К мальчишкам трём безгрешным,
И временам суровым.

Чем средний отличался
По существу от братьев?
Игрушками игрался,
Гонял на самокате,

В лапту и догонялки
С ребятами носился,
У матери невнятно
Сходить на пруд просился.

Но в садике чужую
Домой он брал игрушку.
И перед сном, втихую,
Запрятывал в подушку.
За стол садился первым,
Из страха, что обделят.
Кусочек пожирнее,
Не поделившись, смелет.

Выискивал подвохи
В любой из ситуаций.
Считал, что братья – лохи;
Участник демонстраций.
А навыки артиста,
Что были в нём с рожденья,
Развились в активиста
Протестного движенья.

На улице, и в школе,
И в доме пионеров,
И даже в Вашингтоне,
Среди колоний негров,
Матросов у причала,
Родных, у власти тоже, –
Всё как-то получалось –
Что каждый что-то должен.

Вначале умилялись
Курьезным лепетаньям,

И шуткою старались
Ответить притязаньям.
Родные объясняли
Доступными словами,
Как сами понимали,
Историю с долгами.

Позднее педагоги
С учёбой подключились,
И с дисциплиной строгой;
Но толку не добились.
Упор от просвещения
Перенесли попозже
На метод убеждения
С глаголом главным «должен».

Со сдачей бумеранги
Летели аккуратно
И прямо в лоб, и с флангов
В мальчишку все обратно.
И юноша закинул
Всё детское в отходы.
Но эгоизм не сгинул,
Не пострадали всходы...

7.

Здесь образное сходство
Как раз таки и к месту.
Когда всё было просто –
Верни то время детству.
Но юности настала
Пора.
Проснулась личность.

И геном заиграло
Давление ритмично.

А ритмы вы помножьте
На внешний раздражитель;
И темперамент тоже
Сюда же подложите.
Поступок мы получим,
Эмоций выраженье.
Ещё чуть-чуть помучим –
Напишем продолженье.

Внимательней взгляните,
Не нужно здесь таланта –
Лишь внешний раздражитель
Является константой.
Риторики вопросы
Теперь уж неуместны,
Ответы на запросы
Науке все известны.

Психолог вам разложит
По полкам чин по чину
Любой характер сложный.
Укажет и причину
Различных проявлений.
Дотошно, скрупулёзно.
Чтоб не было сомнений. –
Доходчиво, серьёзно.

Излишни наставленья,
Заумные глаголы.
В процессе становленья
Мы видим роль и школы.

Семейные порядки
Значение имеют;
Когда мораль в достатке,
Она детей согреет.

А улицы влиянье?!
Публичные кумиры?!
А страхи наказанья?!
Вожди, что правят миром?!
Растёт в процессах личность
По сути объективных.
Достойных, симпатичных,
И вместе с тем – противных.

Осознанно, подспудно,
Влияние процессов
Перерастают трудно
В копилку интересов,
Что формирует дальше
Платформу убеждений,
Пройдя сквозь сито фальши,
Сравнений и сомнений.

И, каждый априори,
По-своему логично,
Из взглядов и теорий,
Создаст систему лично.
Её, пройдя по жизни,
Придерживаться будет
От выстраданной мысли
До смерти не отступит.

«Сознание вторично» –
Читаем в диамате:

В условиях типичных,
Что созданы для братьев,
Героев убежденья,
А равно, их поступки,
В единой цепи звенья
Должны быть. Кроме шутки.

Но юные их годы
Показывают явно
Различия в подходах.
Не кажется ли странным?
Не бытие ли, кстати,
Сознание рисует?
Откуда же у братьев
Различий ветер дует?!

Себе заметим вкратце,
Но выразимся метко –
Различия реакций,
Бурлящих в нервных клетках.

На формулы мы гены
Раскладывать не будем.
Ведь мы – не инженеры,
Язык итак мой труден.

Но в них и есть причина
Различия в процессах
По отраженью мира
И склонность к интересам.
В масштабе индивида
Мы, вроде, разобрались.
В масштабах же солидных
Неясности остались.

Причём принципиальный

Они характер носят.

У классиков марксизма

Подробнее спросим.

Других мы не учили.

А зря, как стало видно.

Студентами зубрили.

Не стыдно, но обидно.

Сторонники марксизма

Немного дали маху,

К победе коммунизма

Решив ввести на плаху

Одних лишь толстосумов

С порядками в придачу,

К тому же тех, кто думал,

Не как они. Иначе.

Пройдя войны дорогой,

Захлопали в ладоши:

Врагов сгубили много,

Возводим строй хороший.

Сознание изменим

Под унисон партсъездов,

Где будет слово «Ленин»

Звучать со всех подъездов.

Сейчас стоит иная

Передо мной задача,

В другой вопрос вникая,

Я ваше время трачу.

Как опытный строитель

Дороги коммунизма

В динамике сознания
Я видел катаклизмы.

Увы, оно распалось
По факту на три части,
Идеи не осталось,
За что боролись власти.
Сознание, выходит,
Не связано так просто
С материей, что бродит
С рожденья до погоста...

8.

В хранилищах науки
Теории схороним,
А то, зевнув со скуки,
Мы точно провороним
Сюжетную интригу
В судьбе своих героев,
На стол положим книгу,
И в спальню дверь закроем...

В какие дали, годы,
Бежите?
И откуда?!
Чрез твёрдые породы,
Среди творенья чуда!
Чрез горные вершины
И в гладь морей атласных,
В простор неизмеримый,
Уму что неподвластный!

Оно в себя вобрало
Рожденья континентов,

И ядерное жало
Энергии моментов.
Падения и взлёты
Земных цивилизаций.
Успехи, переплёты
В судьбе знакомых братцев.

Когда мы просвещались
О роли нервной клетки –
Они вовсю трудились
На стройках пятилетки.
Решили отслужиться,
А дальше – видно будет.
Учёба-то сгодится,
А жизнь сама рассудит.

«Династия Петровых» –
Красивое созвучье.
А в час времён суровых
Что может быть покруче?!
И, завтрак собирая,
Их мать своим сопрано,
От гордости сгорая,
Им пела утром рано.

Работали прилежно,
Наставникам внимая.
Но почему поспешно
Идёт, словно немая,
Минуя всех знакомых,
В квартиру молча мама?
Неужто у Петровых
В семье случилась драма?!

Соседки оживлённо
Судачили на лавке.
Вердикт определённый
Был принят в перепалке.
Спустя всего мгновенье
Петрову все забыли:
Ведь завтра воскресенье,
А в доме столько пыли!

«Я мужнюю заначку
В комодке отыскала.
Увидев, сколько в пачке,
Расстроившись, не спала.
Пропьёт и прогуляет,
Бесстыжий кобелина.
Мне денег не хватает
Отметить именины!»

«Меня соседи сверху
В который раз залили.
К себе домой проверку
Из ЖЭКа не пустили.
Никак не удаётся
Добром договориться.
Выходит, вновь придётся
С соседями судиться».

«Я в техникум торговли
Дорогу протоптала.
Знакомому декану
Снесла большой шмат сала.
И он такой был радый.
Но дочь не поступила.

Призна́юся вам, бабы,
Зазря его кормила».

Какого только бреда
Наслушаешься кряду,
Когда уже с обеда
На лавочку засядут
Две кумушки глухие,
И семечки вприкуску,
Две челюсти вставные,
Да палочки в нагрузку!

Для них Петровой мина –
Одно прикосновение
Для челюстей их сильных,
Что мелют без стеснения
И правых, виноватых, –
Всех смешивая с грязью,
Гадливо-воровато,
И просто с неприязнью.

Но нам-то интересно,
Петровых мать что мучит,
Что не находит места,
Сама чернее тучи.
Не всё, как видно, гладко
В знакомом нам семействе,
Что матери несладко.
Узнаем сами вести...

«Отстаньте, бога ради!
Ну, спрыснули немножко
Мы в садике с друзьями,

Серёгину дорожку.

Зато в военкомате

Не выпил я ни грамма.

Но деньги все потратил –

Была со мною дама», –

Стыдливо мямлил Ваня

Пред матерью на кухне.

И мял бычок в кармане.

А веки-то припухли!

Взъерошенный, помятый,

В измазанных ботинках,

Что сам себе когда-то

Купил с отцом на рынке.

Сердито мать твердила:

«Подумай хоть о младших!

Здоровый же верзила!

Поешь горячей каши!»

Вздыхая сокрушённо,

В тарелку сыплет кашу.

Добавила тушёнку,

Не импортную – нашу.

Пример хрестоматийный.

Из братьев, Ваня – старший.

Он дома скромный, тихий,

Доест послушно кашу.

В бригаде, на заводе

Иван в авторитете;

И за свою копейку –

За каждую ответит!

Но вот его активность
С характером весёлым
 Помалу уводила,
(Не сразу после школы)
По стежке кривоватой
 К угару от похмелья,
С причёскою патлатой,
И к девкам для веселья.

 Засасывала нежно
 Опасная трясина.
И был в семье, как прежде,
Иван послушным сыном.
Но мыслей завихренья,
Да вкупе со страстями,
Несли лишь огорченья
 И слёзы его маме.

Отцу, похоже, льстило
То женское вниманье,
 Что сына окружило.
(Причём здесь наказание!)
Казался всё же строгим,
В процессе примиренья
Старался, чтоб в итоге
Спадало напряженье.

Но женскую натуру,
Что тонкой называют
За хрупкую структуру,
Мужчины плохо знают,
 Считая свою силу
За истинную мудрость,

В быту что породило
Их первую же глупость.

Петров – не исключенье,
А правильный мужчина:
Не ставит под сомненье
Он похощенья сына.
Но мать-то сердцем чует
Опасную дорожку,
Которая гарцует
На проводах Серёжки.

С видавшей виды тростью,
По сёлам и станицам,
Непрошенной гостьей
В окошки всем стучится.
С початою бутылкой,
С хвостом селёдки ржавой,
С дешёвою подстилкой,
И в кофточке дырявой.

И запах этой гнили
Лишь женщине возможно
Почувствовать за мили.
Хотя бывает сложно
Поддать под зад коленом,
Любителям немножко,
Избавив их от тлена
Губительной дорожки.

О, скольких стоит нервов,
И слёз ночей бессонных,
На путь наставить верный
Заботой не стеснённых

Детей своих родимых
По жизни уже взрослой,
От грязи оградив их,
Порочности торосов!

Боролась за Ивана
Петрова с ним самим же.
И, поздно или рано,
Надеясь, что услышит
Сыновью благодарность
За пролитые слёзы,
За то, что так старалась,
За то, что стал серьёзным...

Степан, жалея маму,
Бранил нещадно брата:
«Подмоченная слава,
Кому такое надо!»
Был членом комитета
Он в школьном комсомоле.
Возглавить стенгазету
Всего хотелось боле.

Уже не за горами
Звонок и бал прощальный,
И ждёт их под парами
Завод индустриальный.
Наставников назначат
И выдадут спецовки,
Заранее припрячут
Для брака заготовки.

Такую перспективу,
Степан уже продумал.

Не сильно чтоб гнуть спину,
Станков не слышать гула,
Идейным активистом
Придётся становиться,
Тогда к начальству быстро
Получится прибиться.

А то, что он идейный,
Без всех эквилибристик
Докажут постатейно
Слова характеристик.
Вот Стёпа и стремится
Возглавить стенгазету:
Ведь надо отличиться, –
И в школе, а не где-то.

Отсюда раздраженье,
Обиды на Ивана.
В его-то положенье
Одних лишь грамот мало!
Одну средь мыслей прочих,
Нашёл он интересной:
«Династия рабочих», –
Сработает железно!

Но тяга Вани к рюмке
Подпортить может только
Степановы задумки.
Вопрос один: насколько?
Призыв осенним маршем,
В шинели, с портупеей,
Домой придёт за старшим,
И в рекруты забреет.

Отчизну охраняя,
На срочной, с автоматом,
Иван, того не зная,
Любимым станет братом...
Загадывать подальше
Степан пока не будет.
А что до слёз мамыши, –
Пускай их бог рассудит...

Всё видит, безусловно,
До боли сокрушаясь,
Их брат единокровный,
Купировать стараясь
Душевные надрывы
Семейных отношений,
Что отбирают силы
У всех, без исключений.

Ему и маму жалко,
И брата – сумасброда,
(Хоть плачет по нём палка),
И мысли, что свобода,
Как мякоть у арбуза,
Манящая разрезом:
Нажрёшься, коль, от пуза –
Обсыплет диатезом.

Поговорить пытался
Не раз Володя с братом,
И совестить пытался,
Одёрнуть. Но куда там!
И ластился, как прежде,
Подлизывался даже,

Ругался он, в надежде,
Что тот его уважит.

«Проснётся – устыдится» –
Надеялся Володя,
И всё не мог смириться,
Что час его проходит
Наивный и беспечный,
Весь в маминых объятьях,
И в стычках быстротечных,
Виной в которых – братья...

9.

Стремительно ворвавшись
На улицу Советов,
Весна, жарой связавшись,
Права отдала лету
У речки, что резвится,
Заботы все забросив.
На юг взлетели птицы –
В права вступила осень.

Столь милою порою,
Что Пушкин восхищался,
Один из трёх героев
Идти служить собрался.
Покой стеречь Отчизны
Пришла пора Ивану;
Не зря ведь школой жизни
Зовут сей долг по праву.

Священный он, конечно,
Никто не станет спорить.
Но часто в жизни грешной

Спешат мам успокоить,
Вменив солдатским будням
Чрез тяготы лишений
В мужчину вместо трутня
Задачу превращений.

Тому примеров много.
И кто бы сомневался!
Среди порядков строгих
Немного, кто остался
Таким же всё кручёным,
Каким был до призыва.
Их властью обличённый
Устав причешет живо!

И служба на два года
Считалась неизбежным
Оброком у народа
До той поры, как Брежнев
Решил плечо подставить
Военным контингентом
Друзьям в Афганистане,
На злобу оппонентам.

Дошло не вдруг, не сразу,
Косая что вернулась.
Душманскую заразу,
Приказу повинуюсь,
Пошли громить солдаты.
Дувалы запылали.
И, факт, военкоматы
В Афган-то посылали!..

...Ивану при народе
Вручал начальник цеха
Повестку на заводе
Без помпы, и без смеха.
Поздравил для проформы,
Обнял, не постеснялся,
И тут же с видом гордым
В партком засобирался.

На службу провожали
С натянутой бравадой
Из дома, на вокзале:
Коль надо, значит надо.
Степан лишь отличался,
Один из общей массы:
Поднять всё тост старался
За огненные трассы.

Те огненные трассы,
Что ночью поднимая,
Несут нас с каждым разом,
В концы чужого края.
Где подвиг и коварство
В боях на горном склоне,
И истинное братство,
Видны как на ладони.

Комбат где матерится,
Опять неся потери,
И лица сослуживцев,
Что песни не допели.
Глоток воды из фляги,
Любого мёда слаще,

И пацанёнок с флагом
Нам кулаком грозящий.

Те огненные трассы,
Где страх преодолели,
И выполнить приказы,
Презрев его, сумели.
Где честь мы сохранили,
Исполнивши присягу,
Где Родину любили,
Не отступив ни шагу!

Дорога лихолетий
И проклята, и свята!
И тост поднимут третий,
Кто шёл по ней когда-то.
Глотнут холодной водки,
Молчком, слегка сутулясь,
И вспомнят одногодков, –
Не все тогда вернулись...

Помиловал Ивана
Господь за дальней речкой:
Домой он из Афгана
В родимое местечко,
В подогнанной парадке,
Конечно, с чемоданом,
С торпедой – дыней сладкой,
Вернулся утром рано.

И матери воздалось
За принятые муки,
За время, что боялась
В ночи машины звуков.

Завидев почтальона,
Как девочка бежала.
Ложилась утомлённой, –
И всё равно не спала.

За горечь пробуждений,
Что ей травмила утро.
Непонятых сомнений,
Пришедших как-то смутно.
И нравственных терзаний
Лавиной чувств и шоком,
Что душу истязали.
За что – не знала толком.

И вот она – награда
В начёсанной шинели!
В глазах видна бравада.
Но как же повзрослели
Они в знакомом взгляде,
Что даже за улыбкой
Следы душевных ссадин
Видны печатью липкой!

«Война взрослеет рано» –
Познали мы из книжек.
Теперь огонь Афгана
Бросая в бой мальчишек,
Пытался раз за разом
Проверить постулаты.
Поверь, взрослели сразу
Советские солдаты...

...Ивана вместе с дыней,
Родителей и братьев

В поре мы той покинем,
Оставив их в объятьях,
Столь крепких и сердечных,
Дало что шанс надежде,
Что счастье будет вечным
В семье, как было прежде...

10.

Крутнём годов рулетку
Мы лёгкою рукою,
Оставив пятилетки,
Генпланы за кормою.
И членов комитета²,
За всех что всё решали,
Одну шестую света,
Что сохранить желали.

В границах современных,
Под рыночным диктатом,
Свободой окрылённы,
Считали непредвзято
Убытки и доходы
От смены капитанов,
Вели что вновь народы
В отдельно взятых странах.

Куда и как плывётся
Под доллара парами,
И кто под ним не гнётся, –
Мы, в общем, знаем с вами.
Дадим экономистам,
Политикам возможность

² Имеется ввиду ЦК КПСС

Наполнить курсы смыслом,
Учитывая сложность.

А мы, напротив, вспомним
Прокрученные годы,
Иллюзиями полных
И с привкусом свободы.
Конец собой явивших
Величию державы,
Сердца нам обозливших,
Насыпав соль на раны.

То время не ругаю:
Случилось, что случилось.
Но я узнать желаю –
Когда же пробудилась
К соседу нетерпимость,
Идея превосходства,
Что порождает дикость.
И с язвой как бороться?

Вопросы и ответы,
Сплетаясь воедино,
В понятиях конкретных,
Поступках, и причин их,
Подталкивают мысли
Желаньем покопаться,
До сути, без корысти,
До истины добраться.

Питаясь чувством этим,
Страницу мы откроем
Недавних дней, где встретим
Знакомых нам героев,

Событий отраженье
Под рифмой очевидца,
Его же обобщенья
В художественных лицах...

...Начало перестройки,
Уроки правды, гласность.
Кубанский лидер бойкий
С отметиной атласной.
Сказавши «А», – запнулся,
Забалтывая страсти.
Пред немцами прогнулся,
И Штатами отчасти.

Коль банку откупорил,
В которой джин метался,
То с ним бы дом подстроил,
А не в Форос забрался.
И понеслись качели,
Ломая, чем гордились.
На съездах ладно пели, –
И вот дерьмом умылись.

Поскольку идеалы
Давно порастерялись, –
Несложным дело стало:
ГКЧП, – и сдались.
И в кабаках гуляли
Червоные костюмы,
Где распальцовкой рвали
Духовной жизни струны.

Семнадцатое марта³
Историей осталось.
Весомей масти карта
Другим путём связалась.
Единое пространство –
Печальное наследство,
А призрачное братство –
Волшебный образ детства.

Разводы Беловежье⁴
Оформило спонтанно,
Союза зарубежье
Явилось фактом странным
Для сотен миллионов,
Которым и не снилось,
Что тяга к нацуклонам
В их генах пробудилась.

И стало возрожденье
Везде национальным.
Заводов разоренье –
Считай, рациональным.
Народов разобщенье –
Естественным процессом,
А сливки, к сожаленью, –
Заморским мракобесам.

Под партии речёвки
Страна шагать устала,
А часть людишек ловких
Её всю обобрала.
Пришёл без спроса кризис.

³ 17 марта 1991 года состоялся всесоюзный референдум о сохранении СССР.

⁴ Имеется ввиду встреча руководителей России, Украины и Белоруссии в Беловежской пуще.

И нам с ним жить придётся,
Пока цивилизный бизнес
С годами развернётся.

О перестройке споря,
Спасая свои души,
Мы вышли из застоя
На море и на суше.
От водки отказались
На свадьбах, юбилеях,
Себе всё удивляясь:
Напиться где успели?!

Впадая в искушеньё
Непознанной стихии,
Мы, в новое мышленьё,
Подкинув ностальгии,
Решили подниматься
В родных для нас просторах,
Бродил где призрак Маркса,
Забыв уже про порох.

И выплеснулась сила
Свободопроявлений,
Где совести могила
Отрыта без стеснений.
Где сняты все запреты,
Коль нету преступлений,
Где бабки все и деды
Нужны для погребений.

Не пережил кто горе
И леденящий холод,
Узнавший только в школе

Что значит слово «голод»,
Привыкший беззаботно
Черпать из миски ложкой, –
Почувствовав свободу,
Струхнул тогда немножко.

И лакмуса бумага
В нас каждом проявилась.
От радости иль страха,
Но цветом засветилась.
В палитре меньше стало
Следов оттенков серых,
Но светлых радуг мало –
Цветов душевной веры.

Падения и взлёты,
Отчаянные риски,
Плюс поиски работы
Всех ждут в пути неблизком.
Сквозь тернии – да к звёздам,
Мерцанием манящим,
От прозы жизни – к грёзам,
Достаток нам сулящим.

Осилить как невзгоды
И отыскать в них нишу,
Не жил кто в рынке сроду,
Не наработал «крышу».
И здесь, увы, наука
Становится бессильной:
Не факт, имея руки,
Жизнь станет стабильной.

На бале правят черти
В сердцах, умах и душах,
Подталкивая к смерти,
Святое всё обрушив,
Подняв на пьедестале
Божка из драгметалла,
Чтоб принципы отстали
И совесть не достала.

Несутся в колесницах
От края и до края
С оскалом сатанинским
Голодных волков стаи.
Добычею ли станешь,
Затрёшься ль в центре стада,
Иль волком.
Сам решаешь.
Такая вот шарада.

Советский обыватель,
Хранившийся в активном
Партийном консерванте,
Прослыл продуктом смирным.
Наукой просвещённый,
Начитан, благороден.
Но вот свобод лишённый
Он властью по природе.

А тут в одно мгновенье
На голову свалилось
Ему без приглашенья
Проклятье.
Может милость.
Всё в сникерсном прикиде,

Под мышкой – «ножки Буша».

Впервые всё увидев, –
Кого ему послушать?!

И выбор, поневоле,
Становится пред каждым.
Избрал кто путь без боли,
Шагнув в него однажды.
Летает кто, сердечный,
Ища во мраке доли,
И полагаясь вечно
На милость божьей воли.

А кто и отмахнулся
От вызовов эпохи,
Гордынею надулся
Поклёвывая крохи.
Из принципа, от лени,
Везде и всех ругая,
Хуля всесилье денег,
И к прошлому внимая.

Засилье оккультизма,
И правды искривленье,
Подменной плюрализмом,
И нравов всех паденье.
Наживы лёгкой запах,
Проникший во все поры;
И ставший близким Запад,
Несущий нам раздоры.

Здоровый если корень, –
Росток пробьётся к жизни.
А если ржавый шкворень,

Да перепродан трижды –
Отступником от веры,
Родным – проклятьем станешь,
Поддавшись силам скверным –
Себя сам не узнаешь.

Животные инстинкты,
Стреноженные волей
До той поры безвинны.
Но если им позволишь
Подогреть чувства,
Заткнуть за пояс разум,
Похоже, станешь хлюстом.
Конечно же, не сразу.

Цвет белый станет чёрным,
И, скатываясь ниже,
Духовно измельчённый,
Природою обижен,
В конце концов, предстанешь
На божий суд небесный.
Судьбу ведь не обманешь,
С ней спорить бесполезно.

Менталитет славянский
Загнуть в свои лекала,
Нарушив узел братский,
Желающих немало.
Но помнят вражьи кланы
Как Русью были биты.
И, развалить чтоб страны,
Скупили в них элиты.

Поддались на соблазны,
Надев на брови кепку,
Не все.

Народ-то разный.
И есть, кто любит крепко
Свой край, и воздух чистый,
И свежесть сонной речки,
И жар углей лучистых
От дедушкиной печки.

К чему я это вспомнил,
Сгустив немного краски?!
Нельзя жить жизнью полной,
Душой не чужая ласки!
Без светлого начала,
Без памяти, традиций.
Святою Русь, где стала,
Родимый дом, где снится...

11.

...Заговорив о доме,
О родине, о ласке,
О том, что с детства помним
Мы бабушкины сказки,
К былому возвращая,
Любовью память лечит,
Где сына мать встречает,
Обняв его за плечи.

И на мажорной ноте
Волнующего мига
В семью тихонько входим,
Как в церковь поп-расстрига.
Где братья снова вместе,

Зброшены печали,
Слышны из окон песни:
Ивана там встречали.

С селёдкой под шубой,
В «хрущёвке» невысокой
Гремели песни шумно
О Гале черноокой –
Обманутой чертовке,
И жизнью заплатившей,
Защитной гимнастёрке,
Всех баб с ума сводившей.

Про степь земли донецкой,
И паренька в забое
Запели на Советской
С намёком братьев трое.
И песней, как бальзамом,
(Не знал кто слов – тот слушал)
О сокровенном самом
Отогревались души.

Недолго угощался
Служивый в отчем доме.
В Макеевке собрался
Работать он в забое.
Его уже там ждали
Друзья-однопольчаны,
О чём ему писали,
Когда он был в Афгане.

В рабочий ритм втянулся
Иван без осложнений,
Ребятам приглянулся –

Пахал без послаблений.

И жилка заводская
Не обернулась прахом, –
В профессию вникая,
Учился шаг за шагом.

И сердце прикипело
К запыленным проходкам.
На совесть сделав дело,
Он часто слышал в сводках
Фамилию Петрова
Среди фамилий прочих.
Не обронив ни слова,
Гордился этим очень.

От смены до общаги
Стремглав неслись недели,
И «белые рубахи»⁵
Не раз сменить успели
Портреты в кабинетах
Очередного бонзы.
На родине – не где-то
Поставить бюст из бронзы.

Заслышав песни Цоя,
Явились перемены,
На рынке курс освоив
Валютного обмена.
Но тяжкий труд шахтёров
Никем не отменялся;
Иван без разговоров
На шахте и остался.

⁵ На шахтерском жаргоне – начальство.

Но не единым хлебом
Герой-то наш кормился:
За сослуживцем следом
В Макеевке женился.
И мало было свадьбы!
Три дня гостей встречали.
На ней мне поплясать бы!
Уйдите прочь печали!..

Зато потанцевали
На свадьбе вдоволь братья.
И туфельку украли,
А заодно, и сватью.
И молодых катали
На тачке по посёлку.
С Иваном выпивали
В сарае втихомолку.

«Уставших» отводили
Под тополь у колодца.
Рассол туда носили
Вдруг если кто проснётся.
На пару помогли
С посудой разобраться.
В дальнейшие детали
Не будем углубляться.

Петровы всей семьёю
Приехали на свадьбу,
И, с новою роднёю
Взирая на усадьбу,
О сыне говорили
Во всём парадном блеске,

Но разговор сводили
Всё больше о невестке.

Невестка золотою,
Конечно, получалась.

Следила за собою,
С хозяйством управлялась.

Воспитана, тактична.

Ивану не перечит.

О табеле больничном

Идти не может речи!

Поддакивая сватье,

Петрова всё кивала.

Но лёжа на кровати,

Меж тем переживала:

Невестку увидала

За день до обручения,

И времени ей мало

Составить своё мнение.

«Привёз бы, познакомил

С родителями Свету.

И нас бы успокоил,

Послушался совета.

Мы, вроде, не чужие,

И лишнего не скажем.

Совета заслужили

С отцом семейным стажем!

Степан, когда вернулся

Домой со службы в мае,

И, зная, что я в курсе

Их отношений с Таней,

Пристал же в первый вечер
С расспросами-то к маме!
Но тайна этой встречи
Осталась между нами.

Подробно рассказала
Про Стёпкину зазнобу;
О ней самой, что знала,
А также их породу:
Ждала всё честь по чести,
Без поводов для сплетен.
С отцом мы рады вместе,
Что Таню он наметил.

Поладили, похоже.
Тянуть не стали, видно.
И женится, быть может,
Не стало чтобы стыдно.
Намедни намекнула:
«Давай за братом следом!»
Под нос он хмыкнул хмуро:
«Проси о том соседа!»

Вот ты лежи и бойся!
Чем думают сыночки?!
Слезами хоть умойся!
Другое дело – дочки!
А этому до фени!
И дрыхнет, как убитый,
Добравшись до постели.
«Потише, чёрт, храпи ты!»

И запросто со сватом
За рюмкой породнился.

Оговорив затраты,
От дум всех открестился!» –
Толкнув беззлобно мужа,
Откинув одеяло,
(Вот ночь – а всё же душно)
Зевая, задремала...

12.

...Дыханье обновленья
Коснулось и Петровых.
Без преувеличенья
Застоем утомлённых,
Откликнулись на вызов,
С московских стен идущий,
Припрятавший сюрпризы
Для нас, от власть имущих.

И холодок обратно
В семейство серой мышкой
Пробрался аккуратно,
Кольнув сердца (и слишком!)
Неясною тревогой
Каких-то ожиданий,
Неведомой дорогой,
А, может быть, страданий.

Из всех героев наших
Степан без колебанья
За перестройку вставший
На митинги, собранья,
И, власть клеймя позором,
Безжалостно и гласно,
Судом грозился скорым
Задиристо и страстно.

Не стоит удивляться,
Степана помня с детства,
Характер зная братца,
Пожалуй, с малолетства.
Верхом вскочив на гласность,
До сути не вникая,
Рубил с оттяжкой данность,
Лишь потом истекая.

Выпячивать болезни,
Смакуя осложненья,
Желающие лезли
Без йоты сожаленья.
И, метя тем в пророки,
Всё время нас учили
Как вылечить пороки.
А раньше – где вы были?

Сидели в комитетах,
Как наш Степан, со школы.
Писали в стенгазетах
Про стройки комсомола.
И братьями гордились
За то, что воевали.
Но сами-то просились,
Туда чтоб не послали!..

Обняв торпеду с братом
Степан усёк в то утро,
Что скоро быть солдатом,
Возможно, сухопутным.
Как молнией Степана
В макушку поразило:

«Избегнуть как Афгана?!» –
Со страхом мысль сверлила.

Померкли в одночасье
Вдруг огненные трассы:
Ведь жить сред них – несчастье,
Хоть издали прекрасны!
И дрожь до самых почек
Змеёю меж лопаток
Вползала среди ночи,
Воруя сна остаток.

Лучи с небес сильнее
Всю землю согревали,
А страхи всё острее
Его одолевали.
И в том, что нет покоя,
В душе не признавался
И даже пред собою:
Он трусости отдался.

«Не надо на чужбине,
Отхаркиваясь кровью,
Где власти нет в помине,
Нам жертвовать собою,
Наджибов и кармалей⁶
От пули охраняя!
Мы тоже не из стали:
Гуляет там косяя!

И если откровенно –
Зазря туда мы влезли.

⁶ Мохаммад Наджибулла́ и Бабра́к Карма́ль - государственные политические деятели Афганистана

Властей идёт там смена,
Законы кровной мести.
Пускай бы разбирались
Внутри Афганистана.
Британцы, вон, пытались –
И с корпусом что стало?!

Присягу исполняя,
Приспели коли годы,
Готов платить сполна я,
За долг перед народом.
Но гибнуть на задворках
Средь инородцев разных,
Влезая в их разборки, –
Я в корне несогласный!»

Как жареным запахло
От стен военкомата, –
Риторика зачала
И сгнула куда-то.
И тем Афганистана
Степан с тех пор чурался:
Внутри саднила рана,
В себе он замыкался.

Теплом животворящим,
Да в пику нервным спазмам,
Он чувством настоящим
Проникся к Тане сразу.
За взгляд очей смущённый,
Волнением манящий,
Девичий стан точёный,
Наверняка разящий.

И было всё в ней мило:
Походка, речь, стыдливость.
Тревогу в нём затмила,
И таинство свершилось.
Степан преобразился,
Воспрянул даже духом.
На Таню он молился,
Считая верным другом.

Запратал транспаранты
В чуланчик, нам знакомый.
Ходил он с дамой франтом
Под ручку возле школы.
Не выбросил плакаты,
А спрятал.
Уточняем.

Собрался вновь куда-то?!
Позднее всё узнаем.

Но вот в начале мая
По улице Советской,
На службу зазывая,
Казённую повесткой,
Зайдя без спросу в сени
С закуской и баяном,
Призыв уже весенний
Явился за Степаном:

«Закинь рюкзак за плечи,
Зелёный новобранец!
Твой путь лежит далече,
Куда укажет палец
Майора-военкома,
Согласно разнарядке.

Служить вдали от дома
Для мира и разрядки!»

«Спаси, любимый отче!
Пробейся к военкому!
Проси, чтобы короче
Была дорога к дому!
Не надо за границы.
Тем более Афгана!
Он должен согласиться:
С них хватит и Ивана!» –

Просил отца с мольбою,
В отчаянной надежде,
Степан, давась слюною,
Совсем не так, как прежде –
Подёрнутый гордыней,
Да с голосищем зычным
Подобен был гусыне
Походкой и обличьем.

Отец, увидев сына
В нешуточном расстройстве,
Обнял его так сильно,
Что затрещали кости:
«Прости, сынок родимый,
Молчком что всё решали.
Мы с матерью ходили;
В военкомат попали.

О том тебе и братьям
Смолчали, устыдились.
Теперь могу сказать я:
Сходили и добились.

Благодаря Ивану
Идти тебе в солдаты,
Утаивать не стану,
Недалеко – в Карпаты!

Прости меня, сыночек,
Прости, что не сказали!
Переживал ты очень!
А мы-то и не знали!
Ходили и просили.
Поверь, нам было стыдно.
И мы смолчать решили.
Гляжу – ошиблись, видно».

Оправдываясь будто,
За что-то извинялся,
В сердцах ежеминутно
В платочек всё сморкался.
Себя, жену ругая
За эгоизм и тупость,
Растил, не понимая,
В душе Степана гнусность.

Отца услышав слово,
От счастья обалдевший,
Он выскочил из дома
В секунду осмелевший.
На сердце легче стало:
Минует злая чаша.
Внутри всё трепетало
И жизнь казалась краше...

Легко Степан прощался
С друзьями и родными.

Шутейно сокрушался
Вернётся что без дыни.
Разлукой неизбежной
Расстроенные оба,
С Татьяной страстно, нежно
Клялись в любви до гроба...

13.

Наутро поезд скорый,
Отстукивая вёрсты,
Увёз его, где море
Лугов, цветами пёстрых.
Где бука ствол ветвистый
На склоне ввысь стремится,
Даря нам воздух чистый,
А кров зверью и птице.

Текут где Сини слёзы
В протоках Синевира⁷.
И кажется что грозы
Гремят с вершины мира.
Трембита, где играя,
На свадьбу зазывает,
На полонину⁸ в мае
Гуцула провожает.

Достоинством безмолвным,
Обласканы ветрами,
И щебетаньем полны,
Укутаны лесами,
Как-будто наважденье,

⁷ Синь – река в украинских Карпатах, Синевир – озеро в Карпатах

⁸ Полонина – безлесый участок верхнего пояса украинских Карпат, который используется как пастбище для сенокоса.

Легендами богаты,
Природы вдохновенье, –
Раскинулись Карпаты.

И путник изумлённый
Величием творенья,
Считай, уже влюблённый
В Карпаты, без сомненья!
Не стоит удивляться,
Тому, что Стёпа ушлый
Решил здесь жить остаться
По истеченью службы.

Повёлся он на виды,
Но не красот окрестных,
А на людей солидных
Из богатеев местных.
Точней – на перспективу,
Что высказал в намёках
Родитель Катерины,
Созревшей раньше срока.

А раннее цветенье,
Затмив учёбу в школе,
Без преувеличенья
Подарочком в подоле
При современных нравах
Способно проявляться.
Родители-то правы,
Когда его боятся!

И вроде бы не лихо,
И действует веками,
Универсальный выход,

Придуманный не нами.
От времени лоснится
(Сказать по правде – стар уж):

Вам надобно решиться
Дочурку выдать замуж.

Тянуть – себе дороже,
Живя как на вулкане.
И надо лезть из кожи:
Искать, кто зятем станет.
В цейтноте не до принца
Быстрее бы сбегать ношу,
Лишь надо убедиться,
Избранник что хороший.

Степана и приметил
Папаша скороспелки:
«Умён, услужлив, весел.
Осанкою не мелкий.
Простолюдин, конечно,
Но гордый и не нытик,
И симпатичный внешне,
И не любитель выпить.

На нём и Катька виснет,
Влюбилась, спаса нету.
Кричит, что больше жизни!
Купить придётся к лету
Наряд ей подвенечный.
Деньжат из дела вынуть.
По свадьбе пункт конечный –
Как с зятем быть прикинуть».

Пыхтел кооператор,
Сводя цифирь в колонку,
Но высчитал затраты
На свадьбу и помолвку.
«На зятя поначалу
Потратиться придётся.
Авось не подкачает!
Надеюсь, отобьется!»

А в части, за забором
Другой компот вскипает –
Пред увольнением скорым
Остаться с кем не знает:
С желанной иль богатой,
Солдат Отчизне верный.
Но выбирать-то надо,
А на душе так скверно!

Тогда судьба вступилась,
Казалось, за Степана,
И сотворила милость –
Там встретилась Татьяна.
И внутренне не смел он
Перечеркнуть былое:
Душой она и телом
Была ему женою.

Ложился с мыслью этой,
И с нею пробуждался.
Жениться с братом летом
Он вместе собирался.
Но так и не собрался,
Внесла жизнь коррективы –

Запутавшись, попался
Он в сети Катерины.

Польстился не на сети:
На папино богатство.
В мешок с деньгами метил,
Что мог ему достаться!
Вот мать и ошаршил
Тогда своим ответом:
Для свадьбы вслед за старшим
Просила чтоб соседа...

Роман наш не любовный,
И не роман он вовсе,
Не будем мы дословно
Писать, что было после.
Достался Катерине.
Зимой венчались снежной.
И в новой Украине –
Де юре – незалежной.

Сваты-то расстарались:
Музыки аж со Львова!
В костёле, где венчались,
Божественное слово
Скреплялось хором певчих,
Конечно – не бесплатно.
Гостям, что издалече,
Оплачены палаты.

И вороных упряжки
Под окнами томились.
Такси повсюду шашки
С гостями суетились.

Закуски чередою
На скатертях теснились.
Петровы меж собою
Обилию дивились.

В дыханьи контрабаса,
В цимбальной дроби дружной
Угадываем сразу
Весь темперамент южный.
Сродни кавказской срасти,
Платком смущенья скрытой,
Но в вихре танца власти, –
Безудержно открытой!

Гулянка растекалась
Молочною рекою.
И всё кругом казалось
Водимую рукою
Застольного похмелья
Плясало, пело, пило!
И так, – до воскресенья.
Здоровья бы хватило!

Скрывая свои чувства,
С прикрытыми устами,
Петровы слишком тускло
Смотрелись пред сватами.
Принять Степана выбор
Петровой поневоле
Пришлось.
Но сердце ныло
От жалости и боли.

Иван тогда впервые
Со Стёпкой разругался.
Мать думала – остынет,
Но дома он остался.
Не смог Иван смириться
С таким поступком брата,
Не смог и согласиться.
Что ехать всё же надо.

Свои ведь, не чужие!
Ну, разругались, эка!
Ребята молодые,
Не до скончания ж века!
Но слово в разговоре
Бывает ядовитым, –
Чуть подольёшь поболе –
И на тебе – обиды!

То слово роковое
Сорвалось с уст Ивана,
Задело за живое,
Обидело Степана.
Отрывисто и сухо
Как эхо прозвучало
И резануло ухо
Трагедии начало...

14.

Был факт – Степан женился,
И выбор уже сделан.
Он сам на всё решился,
Какое ваше дело?!
На свадьбу приезжайте,
Ведь вы – родные люди.

Любви им пожелайте.
А что – от вас убудет?!

С какою жить женою
С торговой иль фабричной, –
Вопрос уже решённый.
И он вообще-то личный.
Невестку вы примите,
Обедать сядьте вместе.
Приветливо взгляните,
Но в душу к ней не лезьте.

Цепляться за былое,
И, сына упрекая
Словами иль слезою, –
Разумно ли? Не знаю.
Где надо – промолчите,
Найдите место шутке,
Терпеньем укрепите
Союз их брака хрупкий.

«Стремление к свободе
И к самовыраженью, –
Оно в моей природе
Заложено с рожденья.
Я вырос из штанишек,
Чтоб слепо мною править,
Ругаться нам излишне:
Меня вам не исправить!» –

Степан Ивану в трубку
Бубнил, и, в раздраженьи
Взорвался не на шутку,

Когда на приглашение
Шахтёрскому Донбассу
Приехать всей семьёю,
Отказ услышав сразу.
И кто тому виною...

...Когда ещё присягой
Советскою был связан,
Он к жёлто-синим стягам
Пришёл не вдруг, не сразу,
Увидев в Украине,
Пронёсшей чрез столетья
Мечту про долю вильну,
Под символом двухцветья.

Мозгами пораскинув,
Проникся к ней душою,
Считая Украину
Землёю нечужою:
У матери родные
Почти все с Украины.
Когда-то крепостными
В поместьях гнули спины.

И поползли из склепа
За пращуров обиды,
За то, что были крепко
Кнутом российским биты.
Что их великороссы
Доили как корову,
Что брали всё без спросу
И принижали мову⁹.

⁹ Здесь - украинский язык.

За Сталина, колхозы,
За то, что газ валютный,
А в лютые морозы
Газпром что неподсудный.
И как бы не просили –
Ни куба на халяву.
Вина вся на России.
А Украине – славу!

В толпе среди свидомых¹⁰
Своим он стал им в стельку,
И, перейдя на мову,
Всё ратовал за нэньку¹¹:
Ведь отработать надо
Прикупленную тестем
Доходную пасаду¹²
Для зятя в тёплом месте.

И вот, живя у Кати,
Тщеславием гонимый,
В подаренном халате,
И, сидя у камина,
Азы дотошно слушал
Чиновничьей науки,
Кумекая, как лучше
Нагреть на этом руки.

И в закромах невесты,
Уже считай, что в наших
Пошарить интересно.

¹⁰ Свідомый (укр.) – сознательный. В постсоветское время укоренившееся как прозвище украинских националистов.

¹¹ Ненька (укр.) – мама. Здесь ласкательная форма отношения к Украине.

¹² Пасада (укр.) – должность.

На сей раз – без папаша.
Ведь свадьба подросла
Как пешка проходная.
Женившись, можно смело
Жить дальше, припевая...

Был факт – Степан женился,
Не вспоминая боле,
О той, кому молился,
Чему учили в школе,
О чувстве к братьям нежном,
Забыл Петровых имя,
И что ценил он прежде
Под именем «Россия»...

15.

... Усталости не зная,
Часы сплетая в годы,
Природу обновляя
В наряды от погоды,
Взвалив себе на плечи
Тяжёлой ноши бремя,
Путём уходит млечным
Во тьму вселенной время,

Забрав с собою следом
Мгновения рождений,
Кровавый вкус победы
И горечь поражений,
Страну, что порешили,
Сорвав с себя оковы,
И старый дом, где жили
В согласии Петровы.

Да вот же дом! Стоит он!
Но не горят в нём свечи,
С шампанским нераскрытым,
Припрятанным для встречи.
Без задушевной песни,
Борща кастрюли с хлебом,
Съедят за раз что вместе
Петровы за обедом.

Борща-то мать наварит,
И с младшею невесткой
Всех примет, не устанет,
Для сна отыщет место.
Положит под подушки
Подарочки внучатам –
Конфеты и игрушки.
Как сыновьям когда-то.

И мило улыбаясь
Их детским восклицаньям,
В себе унять старалась
Тревоги ожиданье.
Гнетёт её кручина:
Четы Петровых поросль –
Два старших её сына
К ней в гости ездят порознь.

В разбитом сердце Тани
И резкости Ивана
Причину братьев брани
По-женски увидала.
Степана упрекая,
Оправдывала тут же,
И, делать что не зная,

Подначивала мужа:

«Отец ты им по крови,
И сыновьям негоже
Отцу перечить, спорить.
Прикрикни на них строже!
Им хватит дуросветить,
Мне совестно, обидно!
Они уже не дети,
А дальше – будет видно!»

Порою отпускною
По строгому приказу
«Собраться всей семьёю!»
Явились оба сразу.
И отразилось бликом
В очах, до сель печальных,
Сиянье солнца мигом,
Когда детей встречала.

Петрова точно квочка
Всех разом греть готова,
Потом – поодиночке,
Участием иль словом:
То старшего обнимет,
То Стёпу приголубит,
Сидящему меж ними, –
Володе, чай остудит.

И, распутивши крылья,
Сред чад своих кружится.
Ей сон явился былью.
А может всё ей снится?!
«Помилуй, боже правый,

И вразуми их, грешных!
Тебе воздам я славу, –
Верни детей мне прежних!

Убавь ты им гордыни,
А я буду молиться
От веку и отныне.
Сподобь их помириться!» –
Губами втихомолку
Молитву повторяя,
Одну всё тёрла полку,
Того не замечая.

А что же братья наши?
Дошли до них молитвы?!
Помягче ли стал старший?
А Стёпа, друг наш ситный?
Забывши все обиды,
Раскинулся в объятьях?
Нашёл в себе он силы
Шагнуть навстречу братьям?!

Увы! Порою дети
Глухи к молитвам нашим;
Как жить на белом свете
И без подсказок старших
Считают, что умеют,
Чем набивают шишки.
Иначе не взрослеют
Девчонки и мальчишки.

Слетела с уст ремарка,
Случайно, мимоходом.
Смолчать бы мне, но жалко:

Здесь возрастное – годы.
Не стал бы я вас мучить,
И голову морочить –
Пускай, мол, жизнь их учит
Все дни и даже ночи.

16.

Отца послушны воле
И матери желаньям,
Собрались в отчем доме
Втроём без пререканья,
Где раньше песни пели,
И без штанов носились,
Пуд соли вместе съели,
Дедами где гордились.

Где розовое детство
И юность вместе спали,
Биток где по наследству
Тайком передавали.
Где запахи из кухни
Их по утрам манили,
Косички школьниц пухлых
Впервые где ценили.

Разжечь очаг домашний,
И прошлым отогреться,
Мечтал уже не каждый,
Но чтобы отвертеться,
Терпели Стёпа, Ваня
Присутствие друг друга;
Глаза их выдавали –
В глазах виднелась мука.

Общаться напрямую
Упорно избегали.
На кухне, зачастую,
Молчком обед жевали.
А если приходилось
Столкнуться поневоле,
То злость и агрессивность
Сквозили в разговоре.

Родители, конечно,
По простоте наивной,
Признаться, делом грешным.
Надеялись, и сильно,
Что детства их пенаты,
Где всё для них родное,
Вновь сблизят брата с братом,
Откинув всё дурное.

И только лишь Володя,
Поддакивая предкам,
(Поддерживая вроде),
Схватив проблему цепко,
Увидев их общенье,
С тяжёлым сердцем понял:
Дорогу на сближенье
Искать никто не склонен.

Степана и Ивана
Рассорила не свадьба.
Несчастливая Татьяна
Могла причиной стать бы
Их ссоры лишь отчасти:
Родные узы крови

Перемололи б страсти.
Но только их, не боле.

Но властью самостийной,
Без преувеличенья,
Раздуто не стихийно
Меж ними отчужденье,
Разъединяя клином
Не только брата с братом, –
Народы Украины,
Стравив с востоком запад.

Ведь принципы и взгляды
Перемешать коль с чувством,
Добавить полуправды
В историю искусно,
И скармливать народу,
Всё подливая яда, –
То воле злой в угоду
Он превратиться в стадо.

«Европа! Край заветный, –
Спасение в ней наше.
Там будем жить безбедно,
Культурней, чище, краше!
Главенствовать где будет
Законов верховенство,
Где общество осудит
Советское наследство!

Движением народным
Из грязи выйдем в князи!
Но так случилось чтобы, –
Порвём с Россией связи!» –

Вещали олигархи,
Содрав с людей три шкуры,
Оставив на подарки,—
Из пальцев трёх фигуры,

Подсовывая бредни
В научных переплётах
Про путь тысячелетний
Их славного народа.
Про москалей и ляхов,
Как голодом морили,
Как казаки в папах
Одни врагов всех били.

Пожав Союза сливки
Серпом национальным,
Бендеровцев нашивки
Латают театрально.
И, подсластив пилюлю,
Надели для затравки,
Без трескотни, втихую,
Рубахи-вышиванки.

Полезла вышиванка
В палатки и пикеты,
С властями в перебранке
Ругаясь до рассвета.
Иль скачет, подтверждая,
Что адрес не московский:
Материя родная,
Пошив, к примеру, львовский.

Приёмы брать напором
Переросли в привычки.

И на экранах скоро
Мелькает уже в стычках.

И вот она – награда!
Схватив трибуну сзади,
С мандатом депутата
Дерётся уже в Раде.

Хлебать не все послушно
Согласны это пойло.
Но тех, кто против – глушат!
Вот это-то и больно!
Почти что четверть века
Майданов гайдамаки
Мордуют человека,
Внушая страх и враки.

Сестра её родная
Застенчивее будет.
Приличья соблюдая,
Поглаженною любит
По вышитым узорам
Блеснув палитрой алой,
Проплыть в родных просторах
Величественной павой.

Иль гопаком вприсядку
Под музыку сорваться,
Иль звонким слогом сладким
Из хаты отозваться,
Вложив всю душу в песню,
Собой являя миру
С достоинством и честью
Родную Украину...

... Электорат клокочет,
А богачи не дремлют
Воруют кто, что хочет
Дома, заводы, землю.
И, масла подливая
«Ату! Держите вора!»,
Россию объявляют
Виновницей раздора...

17.

Из царства сновидений,
В мерцании созвездий,
В шелках летают феи,
Являя снов нам вести.
Со тьмою ночь проходит,
И, нагулявшись где-то,
На небо солнце всходит,
Пылая ярким светом.

Проплыв по небосводу,
Сбавляя свет помалу,
За горизонт уходит,
Зарёй прощаясь алой.
И, догорев закатом,
К земле опустит тени,
Летали чтоб обратно
Средь звёзд ночные феи.

Походкою усталой
Бредём мы до постели,
Нырнём под одеяло,
Уснуть чтоб побыстрее.
И, сном забывшись крепким,
Их снова там встречаем,

Признаться только редко
То царство посещаем.

И всем героям нашим
Пора на боковую;
А день, неделя даже,
Прошла, считай, впустую,
Не сблизив ни на йоту
Сердец родных биенье,
Не выказав охоту
Двух старших на сближенье.

А стрелки своим ходом
По заданному кругу
Всё дальше нас уводят,
Вращаясь друг за другом.
И вот пора прощаться,
Билеты взяты в кассе,
Осталось лишь собраться, –
И завтра восвояси.

Настал прощальный вечер,
Петрова стол накрыла,
Отец зажѐг все свечи,
Торжественней чтоб было.
И выставил литровку
Украинской горилки:
Похоронить размолвку
Рассчитывал в бутылке.

Но рюмка, между прочим,
Не только стресс снимает.
Среди достоинств прочих
Опасною бывает.

Сродни огню, который
Теплом согреет в стужу,
Но на расправу скорый,
Коль вырвется наружу.

Сыграла злую шутку
Горилка с Украины:
Растормошила жутко
Детей, доселе смирных.
Слегка осоловевший
Степан в прощальном слове
Вдруг выдал всем сидевшим
Любимый тост на мове.

Заслышав речи звуки,
Кнутом что насаждают,
Неся народу муки,
(Иван-то точно знает),
С такою крикнул злостью,
Что разнеслось по дому:
«Застряла в горле костью!
Заткни свою ты мову!»

Чрез несколько мгновений,
Обрушил на Степана
Потоки обвинений,
Что поздно или рано
Услышит власть продажных,
Людей востока стоны,
И, Киеву покажут,
Что значат регионы.

Всё дальше распаяясь,
Степана аки символ,

Уж больше не стеснясь,
По матушке крестил он.
Его и западэнцев,
Гнилую их натуру,
Служили что у немцев,
На русских прут что буром,

Вытравливая явно
Дух русский у народа,
Обманывая в главном –
Происхожденьем рода.
Взмахнув рукой как палкой,
И, выпив полстакана,
Бандеровскою шавкой
В сердцах назвал Степана.

Взяв сигарету, спички,
Он нервно затянулся.
От Стёпки по привычке
К окошку отвернулся.
Но желваки на скулах
Предательски играли,
Да ёрзанье на стуле
Волненье выдавали.

Ещё бы! Так впервые
Лицом к лицу схлестнуться!
Опешили родные,
Глазищи словно блюдца!
Лишь младший, как ни странно,
Совсем не сокрушался,
Как будто бы с Иваном
Он в чём-то соглашался...

18.

Пусть стыдно, но признаем:

Забыли о Володе.

Ах да! Припоминаем

Про братьев вместе, вроде,

В начале излагали

Согласно заголовку;

И вот теперь пред вами

Становится неловко.

Сдаётся – третий лишний.

Причём тогда «Три брата?»

В поэме коли вышло

Про старших только складно?

Косяк увидев в этом,

Понизить, что ли, планку?

Не проще ли поэту

Тогда уйти в отставку?!

Не хочется впустую

От темы отвлекаться,

Подробности смакуя,

Высасывать из пальца

И мелочи, и сплетни,

Объём придав рассказу.

Мне кажется уместней

Покончить с этим сразу.

Володя, отслужившись,

Закончил ВУЗ, женился.

К родителям поближе

С жильём определился.

Пахал на двух работах,

Без капельки обиды,

Бюджет семейный штопал,
Выплачивал кредиты.

Как все, ругая власти,
Был всё же к ним лоялен.
Что нет войны ненастья,
За мир, – был благодарен.
Политики чурался,
Не до неё и было.
Всё для семьи старался,
И шли в неё все силы.

Не жалился на время,
Что босс зажал прибавку,
На заговор евреев,
На Ельцина в отставке, –
Он попросту работал
Своей семье во благо,
И, обливаясь потом,
Считал, что так и надо.

Но в редкие минуты
Души уединенья
Скребли в ней кошки будто,
Скребли до иступленья,
Когда вдруг поневоле
Мысль к братьям возвращалась,
И ноющую болью
Вновь сердце наполнялось.

К родительской идее
Собрать детей приказом,
Перечить им не смея,
Без всякого сарказма,

Отнёсся с уважением,
Хотя и было ясно –
Не будет замиренья,
Их чаянья напрасны.

«Не сахарный, ершистый
Характер у Ивана.
Но взгляд остался чистым,
И не таит обмана.
У век и под глазами
Воздушной паутинкой
Видны сильней с годами
Знакомые морщинки.

Старее мой брательник!
А мы – помолодели?!
Чуть только понедельник,
Глядишь – конец недели!
Бежит уже другая.
Я ту-то я не заметил!
Лишь время, поспевая,
Наставит нам отметин.

Степана же, напротив,
Блуждающие глазки,
(Как потерялись вроде),
С прищуром для остротки,
Добычу лишь учуяв, –
К ней сразу повернутся,
Сожрав её вчистую,
Ничуть не поперхнутся!»

«Родителей уважить
Обязанность святая!

Пусть с братом в контрах даже,
Того не замечая,
Возьми, порадуй предков
И повстречайся с братом.
Бываем вместе редко!
Не в этом ли разгадка?!» –

Настойчиво долдонил
Намёками и прямо:
Собрать их разом в доме
Отец решил и мама.
Родителей жалея,
Ругаться б перестали, –
Хороших отношений
Хоть видимость создали.

Но видимости даже
Приехав, не создали,
А с днём прошедшим каждым
Непримиримей стали.
И в памяти лишь ругань
Останется от встречи:
Как братья друг на друга
Катили злобно, желчно...

19.

Степан Ивана выпад
Воспринял без смущенья.
Привык, бродяга, видно,
К подобным обращеньям.
И крики, даже маты,
Как будто и не слышал.
А поведенья брата
Хотел казаться выше.

И, выслушав Ивана,
Не кинулся он в драку.
Всё выглядело странно –
Ведь здесь он съел собаку!
Но дом тебе не площадь!
Родительский, тем паче!
На улице всё проще.
С родными-то иначе!

Степан не стусевался
В отличие от ближних;
С достоинством держался,
Привыкнув с ним по жизни
Охаивать кацапов
Сродни Андрию Бульбе.
Но рос же с ними рядом
В одной и той же клумбе!

«Совковую общагу
Пора предать забвенью!
Под кумачовым стягом
Всё шло к исчезновенью
Особенностей наций,
Как этносов в природе,
Чтоб в русском попытаться
Разбавить их народе.

Страдали мы веками
От русского царизма,
Подопытными стали
В коммуне ленинизма.
Забудется не скоро,
При власти той как жили, –

Ни тлен голодомора,
Ни холода Сибири.

Но мы, потомки ўкров,
В неволе задыхаясь,
И, с каждым вздохом трудным,
К свободе приближаясь,
Несём достойно, свято
Свой прапор жёлто-синий!..
Нам помогает НАТО,
Пиная в бок Россию.

И царствие почило
Московии немыйтой!
Народ наш побудило
Узреть мир чистый, сытый,
С богатой социалкой,
Доступной в перспективе:
Европе ведь не жалко
Подкинуть Украине.

Не смог чтоб палки ставить
Сосед, как ни пытался,
От нэньки чтоб отвадить,
В ногах чтоб не мешался, –
Мы сельское хозяйство,
Промышленность под евро,
Услуги и лекарства, –
Переведём. Во-первых.

А земли Украины
Все славятся богатством:
Где чернозёмом жирным,
Фруктовым где убранством,

Где огнём мартенов,
Рождая марку стали,
Казацким ветром в генах,
В себя что мы вобрали.

Слетятся за товаром
Купчишки по одежке.
И мы, к Европе старой
Протопанной дорожкой,
Как равноправным членом,
В союз-то их вольёмся!
А задней частью тела
К России повернёмся!»

20.

Уж вечер на исходе,
И тают дружбе шансы.
Степан уже на взводе,
Но всё же постарался
Удерживаться в рамках,
Хотя и раскраснелся.
Не тьявал, аки шавка –
Талант таки имелся.

«А главное оставил
Я брату на закуску:
Как видите – мы с вами
Общаемся на русском.
На языке, с которым
Нам рабство насаждали,
В сибирские просторы
Карпаты выселяли.

Не токмо лишь картечью
Российский царь и Сталин, –
Но также русской речью
Окраины подмяли!
Под русскую молитву
Владенья расширяя,
Совали нам поллитру,
Дурмана подливая.

В России, безусловно,
Язык общенья – русский.
На нём там держат слово
На заседаниях думских.
Носитель просвещенья,
Культуре он – обитель,
Державы становленья
В истории – хранитель.

В молитвах православных –
Господнее прощенье,
А в случаях забавных –
Эмоций выраженье.
Для гордости предметом
Стране своей он служит,
И рифмою поэтов
Среди куплетов кружит.

В державе евразийской
Язык великоросса
Для нации российской,
Крыло как альбатроса.
Меня понять чтоб легче,
Представьте на минутку

Вы Русь без русской речи,
Приняв сие за шутку:

Крестьянин из Рязани,
К примеру, едет к теще.
Подложит сена в сани,
Не растрясти чтоб мощи.
И, лошадь подгоняя,
Дорогою неблизкой,
Ухабы проклиная,
Ворчит всё на английском!

Изба на курьих ножках,
Кряхтя, начнёт крутиться,
С французским кто немножко
К ней словом обратится.
Падёт и трёхголовый
От силы молодецкой,
Ивановых уловок
И брани на немецком.

Испанским частоколом
С околиц песнь зальётся,
И, сызмальства знакомым
Вам эхом отзовется.
Не сдерживаясь боле,
В кокошнике надетом,
Отсчитывает доли
Щелчками кастаньета!

Подвёл воображеньем
Вас к образам флюидным
Лишь ради утвержденья:
Язык когда гибридный,

Для нации исконной
В процессе становленья,
Серьёзнейшей препоной
Он станет в отношеньях.

Когда язык единый –
И нация едина.
Народ сплочённый, сильный,
Вершитель судеб мира.
Ивану-то крыть нечем,
Он молча соглашался,
О роли русской речи
Когда я распинался!

Мы были бы едины
От Крыма и до Тисы¹³
На землях Украины;
Не гадили бы крысы!
Москва их прикормила
С руки дурман-травой,
А в головы вдолбила
Стремленье жить с собою.

И развелось их много,
Кричат права что птичьи
У языка родного, –
Подай им двуязычье!
Язык лишь украинский
Со статусом державным
Внесён законом в списки!
И кончим спор о главном!

¹³ Тиса – река, берущая начало в Закарпатье.

Всех тех, кто сторонится,
Живя на Украине,
Стать щирым¹⁴ украинцем, –
Чтоб не было в помине!
Счастливой им дороги
В мир русский, первозданный!
Мы поднесём убогим
К вокзалам чемоданы!»

Но это уже слишком
Не только для Ивана,
Которого под мышки
Схватил, вскочив с дивана,
Владимир грубовато
Своей железной хваткой,
Встрянул легонько брата,
Призвав того к порядку!

А старший с кулаками
Летел уже готовый
Ответить не словами
Насчёт треклятой мовы.
Вперил он взгляд колючий
В Степана лик пунцовый, –
И дом накрыли тучи
Под тяжестью свинцовой...

21.

Не грех, и не пороки, –
Мощёные из блага
Библейские дороги
Ведут нас к вратам ада.

¹⁴ Щирий (укр.) – настоящий, подлинный.

Пожара не случилось
От брошенной им спички –
Меж сыновей искрилось,
Но обошлось без стычки.

С Иваном, не простившись,
Степан уехал первым.
Иван опохмелившись,
И в настроеньи скверном,
Обняв на скору руку
Родителей и брата,
Схватив с вещами сумку,
Простился суховато.

Замок негромко хрустнул
Закрытой плотно двери;
В квартире стало пусто,
Ведь песен в ней не пели,
На кухне не гремели
Посудой исправно,
Хотя и вместе ели;
Да спать ложились рано.

И мир средь братьев зыбким
В конце был и в начале:
Дежурные улыбки
Тепла не излучали.
Как будто и не дети
У них с женой гостили.
И этот раз последний,
Когда все вместе были...

Разъехались сыночки,
Родителей заставив

Дни напролёт и ночи,
Забыв вконец о Тане,
Молитвою усердной,
Карал чтоб их не строго,
Просить о милосердьи
Создателя земного.

Когда мир строим мнимый,
Живя не в божестве, подле, –
То исповедимы
Для нас пути господни.
И к вере, к сожаленью,
Как правило, приходим,
Когда в ней утешенье
Мы для себя находим.

Но праведны ли действия,
Мотивы наши, чувства?!
Сплошное лицедейство,
Игра или искусство!
И ждём с открытым сердцем
Взамен своих лишений
От веры преференций
Да сладких подношений.

И старшие Петровы
К иконам обратились
За деток своих кровных,
Чтоб к родине прибились.
Трагический и горький
Их ждал удел лишений.
Но всё же с ранней зорьки
В молитвах гнули шеи...

22.

...Умылся кровью Киев

От гідности¹⁵ майдана.

А власти городские

Притихли, скажем прямо.

И тролль заокеанский

Без страха, одним махом,

Втащил как конь троянский

С бедой печеньки с маком.

Что стало с Украиной

С правленьем новых фракций,

С раздутой втрое гривной,

Средь мусорных люстраций,

С навязчивой идеей

От верха и до низа –

Мол, бедность одолеем,

Коль выправим безвиза!?

От госпереворота

И власти передела

С игрой в одни ворота,

Запахло беспределом.

И стали миллионы

Противиться режиму –

Сорвало с регионов

Терпения пружину.

А дальше – боже правый!

Уму непостижимо!

Сошлись в бою неравном

Две правды, как два мира!

На новом месте лобном,

¹⁵ Гідность (укр.) – достоинство.

На радость иноземцам,
В огне междуусобном
Горят единоверцы!

Сыны одной Отчизны,
Враз ставшие врагами,
Людей лишают жизни
В Донбассе, меж ярами.
Любви молчат там музы,
Лишь силы слог в почёте.
З рушницэю, ви, друзі¹⁶,
Страну не соберёте!

Российский Крым отныне,
Восстал Донецк с Луганском.
Вам не простив Волыни,
Грозит из сейма Панство.
Вы раз уже пытались
Всех стричь под оселедец.
Живыми чуть остались.
Помог тогда вам немец?!

Под новым патронажем,
С красивою заставкой
Вы лезете туда же:
В Европу, но с удавкой!
А то, что люди гибнут,
Страна на ладан дышит, –
Вам безразлично, видно,
Мол, цели есть повыше.

¹⁶ «с винтовкой, вы, друзья» - (с укр.)

А что на свете белом
Важней бывает жизни?!
В порыве оголтелом
Уже и люд вам лишний?!
И прёт напропалую
Трезубцевая раса,
Терзая плоть живую
Мятежного Донбасса...

23.

... Планировалось быстро,
Войска собрав к востоку,
Разбить сепаратистов,
И наказать жестоко.
Карать без промедлений
Налево жечь, направо:
Чем больше разрушений, –
Тем целостней держава.

Степан в АТО с апреля:
Сам выказал желанье.
И три почти недели
Дончанам в наказанье
Мечтал победным блицем
Донецк зачистить вскоре,
А дальше – до границы,
Став истинным героем.

За всё, что накопело,
Он свёл без сожаленья
До прорези прицела
Своё к ним отношенья.
Палить чужие хаты,
Как средство от раскола

В составе добробата,
Степан освоил скоро.

И, раздувая пекло,
Не тушевался долго, –
Всё личное померкло
Пред значимостью долга!
От взрывов рвались в клочья
Сады, больницы, школы,
И дом, доселе прочный,
С фамилией «Петровы»...

...Как только зародился
Отряд из ополченцев,
В ряды их тут же влился
Иван с добрейшим сердцем,
И с ненавистным тут же
К незванным бандерлогам,
Держать которых лучше
Подальше от порога.

Вот только лёг, казалось,
Каким бы не был сладким,
Он встал, размялся малость,
Сгоняя сна остатки.
Кряхтя, перебулся,
Подсумки взял, гранату;
Привычно потянулся
Рукою к автомату.

Чуть темень опустила
На землю покрывало, –
На «передок» из тыла
Ему пора настала.

Согласно наставленью,
В ночное охраненье
Уходит длинной тенью
До взвода ополченья...

Был бой слепой и дикий,
В ночи средь грома вспышек,
Где стоны, вой и крики
В пылу никто не слышит,
Где в горле вперемешку
Застряли страх и злоба,
Где убивая в спешке,
Не думают особо,

Где шоку, равно стрессу
Не придают значенья,
Где мысли и рефлексу
Дано одно мгновенье.
И, разум, побеждая
В смятеньи быстротечном,
Зарубки оставляет,
Нам психику калеча.

Был бой один из многих,
Не первый, не последний.
Концом он стал дороги,
Где старший брат и средний,
Шагнув навстречу мраку,
Пошёл за убежденья
В последнюю атаку
На вражьи укрепления...

24.

Лица коснулся нежно
Бродяга-ветер тихо.
Пахнуло сеном свежим.
Но в одночасье сник он...
И, в нём души не чая,
Деревья все уснули,
Но сонные, прощаясь,
Вослед листком махнули.

От нас ушедших душах
Живым воспоминаньем
Стоят, не шелохнувшись,
Берёзки изваяньем.
Их строгое молчанье
Взывает бесконечно
Нас к логике познания
О жизни, и о вечном.

Не оттого ли снова
В замшелой телогрейке
Встречаем мы Петрова
Сидящим на скамейке?
От глаз людских подальше,
Чтоб с ними не встречаться,
Уходит он пораньше
С родными пообщаться.

К берёзам поимённо
Тихонько обратится,
И, этим вдохновлённый,
К былому возвратится.
Но сердце с каждым разом,
Захлёбываясь кровью,

Её всю гонит сразу,
До капли, к изголовью.

Ему на свете белом
Ничто уже не мило:
Отяжелело тело
И в жилах кровь остыла;
Он смерти не боится,
И молится ночами,
Быстрее чтоб очутиться
С женой и сыновьями.

От жизни и осталось –
Внучата да Володя,
В холодном доме старость,
Портреты на комодке.
И, вглядываясь в лица,
Он морщится от спазма:
«Могло как так случиться?!
За что же я наказан?!»

Шли дни, часы, минуты,
А боль не проходила.
«Открой мою вину ты,
Судья неумолимый!»
Не находя ответа,
Он клял судьбу-злодейку,
И молча ждал рассвета,
Повесив телогрейку...